

шаго намека на необходимость, прежде всего, принадлежать ко святой Православной Церкви, на необходимость соблюдения и другихъ заповѣдей, Богомъ данныхъ, тѣмъ самыемъ Богомъ, о Которомъ такъ лицемѣрно разсуждаютъ и на слова Котораго постоянно ссылаются всѣ эти безбожники, или кандидаты въ сектантство!.. Ни одинъ изъ нихъ даже и не замкнется о существенной необходимости въ дѣлѣ нашего спасенія святыхъ Таинствъ,—въ особенности Таинствъ Крещенія и Причащенія!.. Чѣмъ могло бы и побудить графа Толстаго входить въ область совершенно ему чуждую, писать небылицы про Архангела, если-бъ не былъ онъ въ душѣ дѣйствительно врагъ Православной Церкви и не желалъ подорвать въ народѣ авторитетъ ея? Вѣдь онъ не маленький мальчикъ, который самъ не понимаетъ и не сознаетъ своихъ поступковъ... «Зачѣмъ ты, шалунъ, сдѣлалъ это?» — кричитъ гнѣвно мать на своего Ваню,—а Ваня: «мамаша, это я *такъ*, я не зналъ!» .. Графъ Толстой хорошо *знаетъ*, чѣмъ дѣлаетъ! Онъ вѣдь умный человѣкъ, даже очень умный; мнимому генію его покланяются и усердно кадятъ даже русские интеллигенты (вотъ это такъ ужъ настоящее идолопоклонство!)... Если бы въ заглавію своего рассказа графъ не забылъ прибавить *сказка*,—народъ зналъ-бы, по крайней мѣрѣ, какъ къ ней отнести; а то, къ несчастію, онъ забылъ! И опять: если бы сказка напечатана была гдѣ-либо въ Цюрихѣ или въ Берлинѣ, или въ подпольной типографіи,—всякий посмотрѣлъ бы на нее совсѣмъ иными глазами; но она напечатана въ столицѣ Русскаго Государства и издана, при томъ-же, не частнымъ лицомъ, а «Комитетомъ грамотности, состоящимъ при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ!» .. Совершенно достаточно этихъ словъ на заглавномъ листкѣ, чтобы народъ посмотрѣлъ на книгу вполнѣ серьезно. Это графъ Толстой, конечно, отлично понималъ, не могъ не понимать,—и потому-то поступокъ его вдвойнѣ преступенъ... Если же все это творится имъ *беско-*